

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

НОЧНАЯ БАБОЧКА.
КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Ночная бабочка. Кто же виноват? / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104581-4

Говорят, любовь зла. Бывший сержант-десантник Корней убедился в этом на собственном горьком опыте. Полюбил он редкостную красавицу Вику, и никакая сила не может заставить его расстаться с ней. Даже эти невзгоды, что сыплются на его голову одна за другой. То чуть в тюрьму не угодил из-за нее, то в психушку попал. Но оказывается, это еще цветочки. Его конкуренты в бизнесе сделали Вику разменной монетой в крупной игре против него. Он узнал, что она стала «ночной бабочкой». Значит, теперь есть только два исхода — либо он убьет ее, либо погибнет сам. Ведь разлюбить ее он не в силах...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104581-4

© Колычев В. Г., 2019
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

Истории бывают разные — от личных до всемирных. Братья Люмьер въехали во всемирную историю на «прибывающем поезде». Я же, похоже, готов был вляпаться в историю — но из-за отбывающего поезда. Правда, эта история — моя личная. И грозящие проблемы, разумеется, личного характера. Придется покупать новый билет, ждать следующего поезда. И в деньгах потеря, и во времени. А у меня негусто ни с тем, ни с другим. Солдат срочной службы ограничен в деньгах, а каждый час отпуска — на вес золота. Такая вот беда в России: срочная служба долгосрочная, а отпуск — краткосрочный... Так думал я, глядя вслед уплывающему вдаль вагону. Так думал я, в отчаянном спринте пытаюсь его настичь. Еще есть время, еще не закончилось асфальтовое покрытие перрона, еще есть возможность сохранить и даже увеличить скорость...

«Постой, паровоз, не стучите, колеса...» Кондуктор, зараза, на тормоза не жмет. Но я сам, я справлюсь. Еще немного, еще совсем чуть-чуть... Есть!.. Одной рукой я хватаюсь за поручень в пластиковой оплетке, запрыгиваю на подножку. Вторая рука занята — в ней чемодан: шило-мыло, все такое. Нет свободной руки, которой можно было бы помахать провожающим. Да и отстали они сильно. Три точки вдали, под навесом перрона. Друг мой Пашка и две девушки — его Лена и моя Таня, которая раскрашивает в радужные тона унылость моего армей-

ского существования. Симпатичная девушка, учится в педучилище, снимает полдома на пару с Леной — что важно, недалеко от нашей части. Мы к ним с Пашкой и в увольнение ходим, и в самоволку бегаем. Ну, чем я там с ней занимаюсь, это мое дело. Скажу только, что нет у меня повода жаловаться на нее. Может, ну его, этот поезд? Ведь дверь мне никто не открывает, а вагон самый что ни на есть современный — без открытого тамбура, как это было в старину. До следующей станции час, а то и два ходу. Ноябрь месяц, само по себе холодно, а тут еще встречные потоки морозного воздуха. Так ведь и околеть недолго... А под одеялом у Тани так тепло и уютно. Кому как не мне это знать — только что оттуда...

Но нет, прыгивать с подножки не стану. Завтра утром я буду в Москве, там меня ждут, готовятся к встрече. Да и проводница уже через окно на меня смотрит. Глаза — два медных пятака на солнце, рот полураскрыт. Как на идиота на меня смотрит, хотя у самой вид идиотский — извините, что так о женщине...

К счастью, вагонная дверь открывалась внутрь, а то бы досталось мне — уж больно резко распахнула ее проводница. Смотрит оторопело, как вваливаюсь я в тамбур. Хотя бы чемодан взяла... Ладно, спасибо ей за то, что билет не потребовала, прежде чем впустить.

— С ума сошел! — выдала она, закрывая за мной дверь.

Было бы странно услышать от нее что-то другое. Я сделал возмущенные глаза:

— А парашют?

— Какой парашют?! — ошарашенно уставилась на меня женщина.

— На котором я к вам прыгнул... Вы же видите, что я десантник...

Что правда, то правда. Действительно, в своем бесславном лице я представлял славные воздушно-десант-

ные войска. Старший сержант Корнеев, замкомвзвода разведроты парашютно-десантного полка. Кличка, то есть позывной — Корней. Имя... тоже Корней. Дед Корнеем был, отец — Корней. Ну и мне досталось... В принципе ничего страшного. Корней — чисто мужское имя, крепкое, основательное. Да я и сам не слабак. Кто не верит, тому доказывать ничего не буду. Не до того...

— Охальник ты, это я вижу... — Женщина, похоже, поняла, что ее дурачат. — Парашют свой показывай!

— Так я же про него и спрашиваю...

— А я про билет твой спрашиваю. А то как бы с поезда выпрыгивать не пришлось, без парашюта!

С юмором женщина, уважаю таких. И билет всегда готов предъявить.

— Третье купе, двенадцатое место...

Это было сказано таким тоном, как будто не билет предписывал, а проводница единолично решала, кому какое место занимать. И голос командный — как у взводного. Находишься я сейчас в прострации, будь глупым «духом», мог ответить «Есть!» и строевым шагом отправиться в указанном направлении. Но у меня полтора года службы за плечами, я уже «дед», почти «дембель». По военному приказу в апреле—мае в этом же поезде, но уже насовсем отправлюсь домой.

— Сэнк'ю!.. — весело подмигнул я проводнице и степенно-развязной походкой направился к своему купе.

На ходу бросил, не оборачиваясь:

— Чистое белье и чай!

— Иди, иди!

Да, был бы я лордом в черном смокинге и с толстой стопкой фунтов в кармане, я бы услышал в ответ четкое: «Да, сэр! Всегда рады, сэр!» А тут иди, и не просто иди... А чем, спрашивается, солдат, пардон, сержант Российской армии хуже заморского лорда? От него хоть практи-

ческая польза есть, он Родину защищает... Правда, не совсем понятно, от кого. Америка и НАТО с недавних пор для нас как бы друзья, никто вроде бы нападать на нас не собирается. И внутренних войн нет. Разве что в Чечне, говорят, какая-то заварушка. Но там свои со своими воюют, ну, наши оппозиционерам вроде бы помогают. Ну, и в Осетии еще беспокойно... Ну да ладно, не надо о плохом, тем более в такой день.

— Кондуктор не спешит, кондуктор понимает... — тихонько пропел я.

Это уже другая песня. Но и здесь кондуктор... Только с девушкой своей я распростился не навсегда. Я еще вернусь, еще как минимум полгода буду дружить со своей Танюхой. А как максимум... Об этом не хотелось думать, но, если вдруг Танюха залетит, тогда придется жениться на ней. Может, я и не произвожу впечатления серьезного человека, но как бы то ни было, у меня есть определенные жизненные принципы. Поэтому прежде чем спутаться с девушкой, я стараюсь примерить ее на роль своей будущей жены. Если в этой роли она меня хоть маломальски устраивает, тогда даю себе зеленый свет. Если нет, то все равно зеленый свет, но с предохранителем. Танюха — девушка симпатичная, добрая и хозяйка хорошая. Так что если вдруг что, можно будет потом забрать ее с собой в Москву...

Хотя, конечно, лучше без этого. У меня вся жизнь впереди. И сколько еще женщин может быть. А обручальное кольцо — это как гиря на ноге уопленника... Но в то же время не так уж я и молод, чтобы бояться обременить себя семьей. Моему другу Пашке только-только двадцать лет исполнится, а мне уже двадцать четыре, так-то вот. Да что там Пашка! Командир моего взвода, и тот на целых два года младше меня.

Но Урусов — командир взвода и лейтенант, а я — его

заместитель и всего лишь старший сержант. Урусов окончил высшее военное училище, а у меня — среднеспециальное и неоконченное высшее образование. Машиностроительный техникум за плечами, почти четыре курса технического университета. После пятого курса мог бы получить диплом инженера и лейтенантские погоны — тогда если бы служил, то в офицерском звании и на офицерской должности. А так я тащу срочную службу со всеми ее солдатскими тяготами и лишениями. И все из-за одного нехорошего человека... Ну да ладно, что было, то было; что есть, то есть... Простился старший сержант Корнеев со своей девушкой, но не навсегда. Да, я еду домой, в отпуск. Но снова вернусь к своей Танюхе. Хочу я этого или не хочу, но вернусь. Да и хочу я вернуться к ней. Нравится она мне. И если вдруг что, ребенок без отца не останется...

В таком вот благородно-героическом настроении я отодвинул в сторону дверь своего купе. И застыл столбом, потрясенно уставившись на свою спутницу... Вообще-то, соседей по купе было трое: мужчина, женщина и юная девушка. К ней, к этой юной особе, и прикипел я взглядом. Такой красоты я еще не встречал... Назвать ее красавицей значило не сказать ничего. Я даже не знаю, как выразить словами, как она была красива. Густые и ровные волосы темно-русого цвета, большие аквамариновые глаза, большой четко очерченный рот, совершенной формы овал лица... Я видел женщин с роскошными волосами, с такими же красивыми глазами, с идеальными чертами лица. И в жизни видел, и на обложках глянцевого журналов. Но ни одна красотка не могла произвести на меня такого ошеломляющего впечатления, как это диво дивное... Может быть, даже не в чертах лица дело. Вот увеличь ей носик, уменьши ротик, расширь скулы, удлини подбородок... И даже после этого она все равно будет сногшибательно

красива. Потому что в глазах сила ее красоты, в глубинах души, где у нее находится мощнейший источник женского обаяния... Впрочем, я мог ошибаться — как всякая жертва колдовского наваждения. Но я не ошибался. За какие-то несколько мгновений я зарядился стопроцентной уверенностью, что более совершенной красоты не существует.

— Эй, парень! Тебе чего? — одернул меня мужчина.

Из состояния транса он меня не вывел, но все же заставил обратить на себя внимание. Мужуку лет под сорок. Спортивного телосложения, в спортивном костюме. Большие залысины, высокий лоб, широкая переносица, асимметрично посаженные глаза, массивный подбородок с ямочкой.

— А-а, у меня билет сюда... — растерянно пробормотал я.

И увидел, как недовольно поджала губы женщина... Только сейчас я заметил, что и она довольно-таки хороша собой. Тот же овал лица, такого же цвета большие глаза... Такая же красивая, но совсем не такая молодая. И далеко не столь ошеломляющая. Нетрудно было догадаться, что юная красавица приходилась ей дочерью.

— Точно сюда? — с досадой спросил мужчина.

Он тоже не скрывал своего недовольства. И очень хотел, чтобы я ошибся номером... Да я и сам засомневался. Вроде бы третье купе, вроде бы двенадцатое место свободно. Вроде бы не ошибся... Но вдруг я попал в какое-то другое измерение? Ведь в моем родном земном измерении водятся только земные красавицы, а здесь нечто иное, совершенно невероятное...

Я неуверенно пожал плечами и глянул на свой билет.

— Да нет, все правильно...

— Да, повезло, — обреченно вздохнула женщина.

Пожалуй, ее можно было понять. До Москвы ехать и

ехать. Семья из трех человек удобно расположилась в четырехместном купе. Все трое переоделись в спортивные костюмы и замерли в ожидании — пошлет им судьба соседа или нет. Здорово, если нет... Поезд тронулся. Нет соседа!.. А тут раз, и такой облом. Здравствуйте, я ваша тетя! То есть «дедушка» Российской армии. Сейчас он снимет свои сапоги, и бедные люди задохнутся от казарменного смрада... Не дождутся! Я в конце концов не какое-то пришибленное чмо, а цивилизованный «дед». И не сапоги на мне, а офицерские берцы. Носки совсем свежие: сегодня утром чистые надел. Ведь я же знал, что с людьми буду в поезде ехать, а не с баранами в скотовозе. Камуфляж на мне совсем новенький — спасибо старшине. Ну, вспотел малость, пока за поездом бежал — тельняшка потом напиталась. Но это уж извиняйте, хочешь ездить в отдельном купе — выкупи его целиком и не горюй... Впрочем, девушка не морщила свое прелестное личико. Похоже, ее совершенно не смущал свалившийся на голову солдатик. Скорее мое появление обрадовало ее, чем огорчило. Хотелось бы, чтобы мои чаяния соответствовали действительности.

— Мама, офицеру, наверное, нужно переодеться, — мило улыбнулась прекрасная незнакомка.

Как будто фиалковое поле расцвело посреди кактусовой пустыни.

Девушка обращалась к матери, но смотрела на меня. Приветливая улыбка, чувственный взгляд, нежный заволаживающий голосок. От волнения у меня вдруг стали отниматься пальцы рук... Никогда в жизни я так не волновался, как сейчас. Настоящий ураган чувств... Определенно, я находился во власти дьяволь... о, пардон!.. ангельских чар.

— Это не офицер, — надменно усмехнулся мужик. — Это... э-э, сержант... Кажется, старший.

— Старший, — без особой гордости за себя кивнул я.
— А если не офицер, все равно переодеться надо...

Золотые слова. Из золотых уст... Я смотрел на красавицу, как мог смотреть древний грек на богиню любви Венеру, спустившуюся к нему с Олимпа. Восторженно смотрел, заворожено, влюбленно. Ураган страстей раскачивал меня изнутри...

Мужику очень не понравилось, как я смотрел на его дочь. Нахмурил брови, угрожающе сузил глаза, поджал губы.

— Вика, тебе нужно выйти, — глядя на меня, обратился он к девушке.

Значит, ее зовут Вика... Вика, Виктория. Прекрасное имя... Впрочем, я находился в таком состоянии, что готов был восторгаться любым именем — Фросей, Дуней, — если бы оно принадлежало моей юной соседке... Моей... Пока лишь соседке, но уже моей...

— И тебе, Ася...

Сначала из купе вышла мать Вики, затем она сама. Я не удержался и проводил ее восхищенным взглядом. Только сейчас я заметил, что у нее великолепная фигура. Впрочем, иначе и быть не могло... Даже мешковатый костюм не мог скрыть волнующие изгибы ее стройного станна. А если бы на ней сейчас было облегающее вечернее платье с открытой спиной? Я мысленно представил ее в этом наряде и чуть не затрещал по швам от переизбытка распирающих чувств.

— Глаза сломаешь! — рявкнул на меня мужик.

Но словами он не ограничился и дал волю рукам. С силой схватил меня за ворот куртки и дернул, разворачивая к себе лицом. Удивительное дело, но ему это удалось — он смог развернуть меня. И удалось без катастрофических последствий для себя. Ведь я мог заартачиться, а мог и чисто рефлекторно ответить грубостью на грубость.

А удар у меня мощный — даже если бью без размаха... В школе я занимался боксом, в институте увлекся самбо, а в армии прошел курс упрощенного рукопашного боя, состоящего из десятка простых приемов. Упрощенный стиль, но отнюдь не упрощенный курс. А приемы только с виду простые, в деле же — очень эффективные, в условиях боевых действий просто незаменимые... Словом, мужик мог нарваться на качественные трендюля. Но бить его я не стал. А вдруг это мой будущий тесть?.. От такой перспективы захватило дух. И вся моя агрессия сошла на нет. Даже когда он схватил меня за грудки, я не дал воли рукам. И головой его бить не стал, хотя мог.

— Не смей так смотреть на мою дочь, солдафон! — зашипел он.

Мне ничего не оставалось делать, как поднять руки. Дескать, сдаюсь. Он оттолкнул меня с чувством исполненного долга.

— То-то же!.. А теперь снимай свой ватник и дуй на свою полку! — распорядился гипотетически будущий тесть.

Он сомневался, что у меня есть спортивный костюм, в который я мог бы переодеться. А сомневался он зря, потому что мой камуфляж и был для меня спортивным костюмом. И спортивным, и боевым, и даже водолазным — сколько раз приходилось преодолевать в нем водные преграды. А уж для путешествия в купе он годился вне всякого...

Недолго думая, я зашвырнул свой чемодан на верхнюю полку над дверью, туда же запихнул теплый бушлат. Снял берцы, убрал их с прохода и в одно касание запрыгнул на верхнюю полку, которая, надо сказать, находилась напротив нижней, на которую вот-вот должна была вернуться прекрасная Вика.

— Ты не обижайся, парень! — пошел вдруг на миро-

вую мужик. — Был бы ты отцом, ты бы понял... Растил дочь, растил, а тут всякие...

— Я не всякий... — осмелился возмутиться я.

— Да, но ведь смотришь, как волк на ягненка. Облизываешься... Знаю я вас, служивых. Голодные, как те волки... Не надо на мою дочь так смотреть, не надо. Не для тебя растили...

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент в дверь постучали.

— Ну, ты меня понял! — заключил он и отодвинул в сторону створку двери.

Купе заполнилось волшебным светом. Это появилась Вика. Застенчиво улыбнулась мне и села рядом с отцом — напротив меня, как я и рассчитывал. Опустила глаза и снова подняла их на меня, снова улыбнулась — так же смущенно.

Не скажу, что природа наградила меня внешностью записного красавчика-плейбоя. Но на отсутствие женского внимания я, в общем-то, не жаловался. И школьные романы были, и в институте амурные интриги в такие карусели закручивались, что насилу с них спрыгивал. Сам спрыгивал, хотя, бывало, и спихивали меня. Была у нас в институте мисс — фигурка ничего, но личико такое, хоть полотенцем занавешивай. Ей бы вуаль носить, а она густо красилась, отчего становилась похожей на ведьму в самый пик шабаша. И еще чары пыталась в ход пускать — клеила парней без всякого зазрения совести. Однажды и у меня с ней закрутилось. Одна хмельная ночь, после которой я всерьез стал ломать голову, как спроводить эту мисс так, чтобы не обидеть. Думал, думал, в конце концов придумал, но сказать ничего не успел: она меня опередила. И сама заявила, что между нами все кончено. После чего с легкой душой переключилась на следующего парня... Затем был еще один случай. Такая же страш-

ленькая особа, и такая же роковая. Но эта сразу сказала мне, что я ее не устраиваю. И даже объяснила, почему. Оказывается, ей принц нужен, а я, увы и ах, в эту категорию не вхожу... И вообще я давно заметил, что с девушками посимпатичней всегда легче общаться, чем с девушками пострашней. С красотками всегда все клеилось, а с дурнушками чуть ли не через раз облом... Может, только со мной так, может, вообще. Но, так или иначе, глядя на Вику, первую из первых красавиц, я чувствовал, что у меня есть шанс на взаимность с ее стороны. Она уже начала втягиваться в любимую игру всех времен и народов. Игра в переглядки. Я посматривал на нее, она посматривала на меня. Я вкладывал в свои взгляды жар своей души, она мне мило улыбалась в ответ... Неужели я ей нравлюсь? Неужели у меня есть шанс?

Но к той же игре подключился и ревнивый папаша. Один раз глянул на меня, второй. И как итог:

— Вика, пересядь!

В этот момент я готов был его убить. Но, разумеется, волю своим чувствам не дал. Даже взглядом не выразил свой гнев. И обиду сдержал. Просто зарылся лицом в подушку, когда послушная Вика исчезла из виду. Мне бы сейчас хоть немного поспать — уж больно веселой выдалась ночь. Но как я мог заснуть, когда совсем рядом находилась девушка моей мечты. Раньше я о такой красоте и мечтать не мог, зато сейчас весь в мечтах... Вот ее родители уходят из купе, мы остаемся с ней наедине, она спрашивает, как меня зовут, мы знакомимся. Потом... Нет, нам совсем не обязательно бросаться друг к другу в объятия. Это даже чересчур. Чтобы ощутить себя полноценно счастливым, мне достаточно было сидеть напротив нее и смотреть в ее чудесные глаза... И вот я сижу напротив нее, люблюсь ею, наслаждаюсь ее чудным голоском, и вдруг в купе врываются два... нет, три типа. Они оскорбляют Ви-